

Языковая метафора с позиций когнитивной лингвистики (на материале языка Марины Цветаевой)

Крицкая Н.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Современная когнитивная лингвистика позволяет установить общие схемы, в рамках которых человек познает мир, поэтому одно из центральных мест в ней занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Цель статьи – показать, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании поэтической картины мира Марины Цветаевой.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам метафоры. Материалом для исследования послужили поэтические произведения Марины Цветаевой, объектом – индивидуальные метафоры поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Метафора понимается по-разному. Мы понимаем метафору как один из основных механизмов и приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. В метафоре сопоставляются, а затем и синтезируются сущности, соотносимые с разными логическими порядками, что обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. С позиции лингвокультурологии интерес к метафоре связан с представлением как языкового явления. Индивидуально-авторские метафоры Марины Цветаевой не похожи на обычные, а представляют собой незаменимые средства в создании образов. Наиболее частотны у М.И. Цветаевой метафоры-сравнения, метафоры-загадки и метафоры-замещения. Поэтическая сила метафоры вообще и цветаевской в частности – в художественном преувеличении, эстетическом нарушении границ реального и ирреального миров. Метафора в «русских» поэмах М. Цветаевой – это имплицитное противопоставление обыденного видения жизни необычному, это «приглашение» поэта читателю в мир своих высот.

Заключение. Языковая метафора в творчестве М. Цветаевой базируется преимущественно на признаках конкретно-чувственного характера. Определенные качества и свойства переосмыслиются М. Цветаевой и ложатся в основу метафорического переноса.

Ключевые слова: языковая метафора, когнитивная лингвистика, художественный образ, метафоризация, лингвокультурология, метафора-загадка, метафора-замещение, метафора-сравнение.

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 184–188)

Language Metaphor from the Point of View of Cognitive Linguistics (Based on the Material of Marina Tsvetayeva's Language)

Kritskaya N.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Contemporary cognitive linguistics makes it possible to establish general schemes within which man cognizes the world. That is why one of its central places is taken by the issue of categorizing the surrounding reality, the important role in which is played by metaphor as a manifestation of analogous possibilities of human mind.

The aim of the article is to show which factors of subjective and objective character are decisive in shaping Marina Tsvetayeva's poetic picture of the world.

Material and methods. The methodological basis of the research is works by home and foreign linguists devoted to the issue of metaphor. The material for the research was poetic works by Marina Tsvetayeva. The object of the research was the poet's individual metaphors. The method of total selection from poetic texts, modeling and observation were used in the article.

Findings and their discussion. Metaphor is understood differently. We understand metaphor as one of the main mechanisms and tools of cognition of objects of the reality, their names, creation of artistic images and evolving new notions. In metaphor essences are

Адрес для корреспонденции: e-mail: Krickaya74@mail.ru – Н.В. Крицкая

compared and then synthesized, which refer to different logical orders, condition its productivity as a means of creating new names, especially in the sphere of naming objects of invisible world. From the point of view of linguistic cultural studied interest in metaphor is connected with the image of a language phenomenon. Individual Marina Tsvetayeva's metaphors do not look like ordinary ones but are indispensable means in creating images. Most frequent are M. Tsvetayeva's metaphors-comparisons, metaphors-puzzles and metaphors-substitutions. The poetic force of a metaphor in general and Tsvetayeva's metaphor in particular is in artistic exaggeration, in aesthetic breaking the boundaries of the real and the unreal worlds. Metaphor in «Russian» poems by M. Tsvetayeva is implicit opposition of everyday image of life to the unusual; this is «invitation» of the poet to the reader into the world of her heights.

Conclusion. Language metaphor in M. Tsvetayeva's creative work is primarily based on features of definite and sensual character. Definite features are reconsidered by M. Tsvetayeva and become the basis of metaphoric transfer.

Key words: language metaphor, cognitive linguistics, artistic image, metaphorization, linguistic cultural studies, metaphor-comparison, metaphor-puzzle and metaphor-substitution.

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 21. — P. 184–188)

Язык художественной литературы — это язык словесного искусства, вторичная моделирующая система. Системность поэтического языка проявляется в первую очередь на уровне выразительных средств. В художественных текстах раскрываются неисчерпаемые возможности варьирования слова в разных значениях и смыслах, что обусловлено расплывчатостью границ значений в языке и тексте. Использование тропов увеличивает возможности передачи новых смыслов, фиксации новых точек зрения, новых связей субъекта текста с объектной сферой, то есть оно ориентировано на реализацию «вторых», переносных смыслов, а значит — на обогащение значения. Современная когнитивная лингвистика позволяет установить общие схемы, в рамках которых человек познает мир, поэтому одно из центральных мест в ней занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Умение создавать метафоры относят к фундаментальным свойствам человеческого сознания. Человеку дано познавать мир, сопоставляя новое с уже известным, объединяя общим именем новое и старое. И поэтому многие операции по обработке знаний — их усвоение, преобразование, хранение и передача — связаны именно с метафорой.

Цель данной статьи — показать, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании поэтической картины мира Марины Цветаевой.

Актуальность настоящего исследования определяется ростом интереса к метафоре как языковой универсалии и вниманием когнитивной лингвистики к исследованию неузальной сочетаемости в тропах, в частности в метафоре, а также метафорике Марины Цветаевой.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам метафоры. Материалом для исследования послужили поэтические произведения Марины Цветаевой, объектом — индивидуальные метафоры поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Изучение тропов стало традицией на протяжении нескольких столетий, а начало этих исследований было положено еще в Древней Греции. Сегодня метафора понимается по-разному. Для многих людей она является всего лишь средством украшения речи, характерным в большей степени для художественной литературы, чем для повседневного общения. Обыденное сознание связывает метафору исключительно со сферой слов, а не со сферой мышления.

Мы понимаем метафору как один из основных механизмов и приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. Она выполняет когнитивную, номинативную, художественную, экспрессивную, смыслообразующую и другие функции.

В метафоре сопоставляются, а затем и синтезируются сущности, соотносимые с разными логическими порядками, что обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. И в этом важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр — ее **антропометричность**. «Антропометричность метафоры и придает ей способность служить средством создания ЯКМ изначально в высказываниях о нем, а затем в тезаурусе носителей языка (личностном или нормативно-санкционированном), всегда служащем не только хранилищем самих этих вербали-

зованных средств, но и их ассоциативных потенций» [1].

Можно предположить, что метафоризация – процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания, но данный процесс был бы невозможен без модуля фиктивности, который придает метафоре «...статус модели получения гипотетико-выводного знания. Именно модуль фиктивности приводит в динамическое состояние знание о мире, образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и уже готовое значение, которые и взаимодействуют в процессе метафоризации. Этот модуль дает возможность уподобления логически несопоставимых и онтологически несходных сущностей: без допущения, что *X есть как бы Y*, невозможна никакая метафора» [1, с. 186–187].

Проблема метафоры издавна привлекала внимание ученых не только по причине выделения различных видов отклонения от языковых норм, но также из-за появления проблем, связанных с семантической правильностью структуры синтаксических единиц. Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной системы человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому изучение метафоры проводится в настоящее время не только в рамках языкознания, но и в психологии, философии, логике, стилистике, теории искусственного интеллекта и особенно в когнитивной лингвистике.

«Языковая метафора, – пишет В.Я. Телия, – это способ “домысла” прототипа, прибегающий с этой целью к уже оязыковленной форме отражения некоторого оригинала» [2], то есть «из некоторого еще не четко “додуманного” понятия формируется новый концепт за счет использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций» [3].

Попытка описать процесс метафоризации как любой другой словообразовательный или синтаксический механизм представляется нелегким делом, так как, по мнению В.Н. Телия, «...модель метафоры – более сложный механизм, поскольку он порождает совершенно новые языковые объ-

екты не только репродукцией комбинаторно переменных единиц, но и путем взаимодействия гетерогенных сущностей, участвующих в метафорическом синтезе» [1, с. 183]. Отталкиваясь от интеракционистской теории метафоры М. Блэка и рассматривая «метафору как модель смыслопреобразования на основе лингвологической грамматики с привнесением в эту модель тех компонентов, которые дополняют ее сведениями о гипотетичности метафоры и антропометричности самой интеракции, в ходе которой и формируется новое значение», В.Н. Телия определяет три комплекса, участвующих в метафоризации: 1) основание метафоры как мысль о мире (предмете, событии, свойстве и т.п.); 2) образное представление о вспомогательной сущности (в метафоре *винегрет* – ‘о беспорядочном смешении разнородных понятий’ входят те черты реального объекта, которые связаны с тем, что это блюдо представляет из себя смесь разнообразных, многочисленных гастрономических ингредиентов); 3) само значение переосмысливаемого при посредстве метафоризации имени. Оно играет роль посредника между первыми двумя комплексами. С одной стороны, вводит в метафору само образное представление, соотносимое с референтом данного значения, а с другой – действует как фильтр, т.е. организует смысл нового понятия. Так, например, предикатные метафоры *медоточивый, сладкогласный, сладкоречивый* ‘льстивый, угодливый’ (о речи: голосе, словах; улыбке, выражении лица); *слащавый, приторный, сладкий* ‘чрезмерно любезный, умильный, угодливый’ (о человеке, его манере общаться: выражении глаз, лица, словах и т.д.) выражают целостное образное представление, ассоциативно связывающее впечатление, производимые голосом, манерой речи и поведением человека со вкусовыми ощущениями от «эталона» сладости – меда.

С позиции лингвокультурологии интерес к метафоре связан с представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. По мнению сторонников данного подхода, «главную роль в наших повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а аналогия. В основе последней – перенос знаний из одной содержательной области в другую. И с этой точки зрения метафора является отображением крайне важных аналоговых процессов» [2, с. 139].

Интерес многих ученых-лингвистов вызывает поэтическое творчество Марины

Цветаевой, которое буквально пропитано метафорой. Изучение языка поэта (как она сама себя называла) актуально потому, что, как отмечают исследователи, именно с 1920-х гг. начинается «перелом» в ее языке: из него быстро уходит легкость, прозрачность и формируется новый язык с необыкновенной многоплановостью слова, игрой сложнейшими ассоциациями, насыщенной звукописью, «рваным» синтаксисом, сбоем ритма. Наши наблюдения над цветаевской поэзией показали, что языковые приемы не существуют в тексте изолированно, но обуславливают и мотивируют друг друга. Поэтическое мышление М.И. Цветаевой мастерски проявляется в умении соединить необычное с обычным, давно знакомым, раскрасить новыми красками, сделать неповторимым.

Метафора у поэта ни на что не похожа, необыкновенная и тем самым особенно волнующая. В ней заключено «скрытое» сравнение, поскольку в ней совмещаются два или несколько семантических планов, но на их основе возникает, в отличие от двучленного сравнения, единый, нерасторжимый образ. По нашим наблюдениям, у Марины Цветаевой метафору можно назвать сокращенным, редуцированным, или сжатым эллиптическим сравнением. В ней можно видеть не только «скрытое» сравнение, но и «сокращенное противопоставление» [4]. Иначе говоря, метафора и сравнение в творчестве М. Цветаевой различаются семантически: в структуре метафоры присутствует отрицание: *Нет, не пчелки розаном / Ведут дозор; Не наестся кровью / Ревности игла!; Не одну твою жызть / В руках, сердце держу.*

Хотя близость метафоры и образного сравнения не вызывает сомнения, между ними все же существуют важные различия. Метафора по отношению к сравнению сокращена не только потому, что в одном слове соединены предметы и образ, но и потому что в ней никогда не называется признак, по которому это соединение происходит. Его надо восстанавливать, то есть проявить активность восприятия, и это делает метафору более сильным стилистическим средством, чем сравнение. Например, в «русских» поэмах М. Цветаевой: *День встает – свят поют, / Полдень бьет – в лад встают, / Вечер в лоб – сказки вьют, / Ночь в обход – нас не ждут; Что красное солнце / На лоб мне сошло; Шатер Царя душит, / Вино Царя топит // Шатер царский воеет / На все голоса.*

Индивидуально-авторские метафоры Марины Цветаевой не похожи на обычные, а представляют собой незаменимые средства в создании образов. Метафора позволяет создать в краткой форме емкий образ, основанный на ярких ассоциациях. Например: *«кровь или вал – стонет», «кровь в жилах сжата», «не бывало, чтоб смолю / Плакал дуб!»; «Река – радужну / Широту струит».*

Следует отметить, что наиболее частотны у М.И. Цветаевой метафоры-сравнения, метафоры-загадки и метафоры-замещения.

Метафоры-сравнения наиболее ярко и образно передают мысль М. Цветаевой, «рисуют» образ, который она хочет преподнести читателю, поскольку в них описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом: *Очьи жрут уж, / Пьют без рюмок!; Глаза – чаши непочатые – / Пятаками припечатаны: / Вдавлены / Спрятаны; Наших встреч – счетом пять / Зерном лечь, цветом встать; Ресницами или, / Глазницами или, / Землицею или, – / Солоны! // Вербочка! Небесный житель! // Москва! – Какой огромный / Странноприимный дом!*

В метафорах-загадках связи между словом и реалией смещены: *Здесь только зори да орлы, / Да мы с тобою; Мост ли дрожит, я ли – дрожу? / Кровь или вал – стонет? / Окаменев – тупо – гляжу? / Как моя жизнь – тонет?; Оббери меня на лыко, / Псам на ужин изжарь! / Хошь, диковинный с музыкой / Заведу – кубарь!; Стакан с краем налит, / Кумач жаром горит, / Каждый сам головит, / Народ валом валит.* Такие метафоры особенно сложны. В них заключено субъективное, авторское видение сравниваемых номинаций. Оно может расшифровываться лишь на уровне догадок и предположений. Метафора в загадках характеризует специфику их содержания и формы, лежит в основе их стилистической и композиционной организации, определяет сами творческие принципы художественного отражения действительности. Метафора – душа загадки. Понять метафору – значит понять саму загадку, раскрыть ее суть.

Метафоры-замещения наделяют описываемый объект свойствами другого объекта («злая заря», «злая луна», «живые бури», «дикая душа», «нечеловечий зверь», «говорливые шелка», «громкие платица», «крестовая улица», «судная ночка», «трудная радость»).

Метафору можно определить как одну из главных особенностей идиостиля Марины

Цветаевой. У поэта иногда целое стихотворение представляет собой одну развернутую метафору, в которой носителем образа является группа ассоциативно связанных единиц: *К устам не клонился, / На сон не крестил / О сломанной кукле / Со мной не грустил / Всех птиц моих – на свободу / Пускал – и потом – не жалея шпор, / На красном коне – промеж синих гор / Гремящего ледохода!; «Твои очи голубые, / Мои мысли вздорные / Твои очи голубые, / А бывают – черные / Слово жизнь мою угнали / Верстой, – а я с краю / Голова моя дурная, / Что пою – не знаю; По морским заповедным чащам, / С белым всадником, ввысь глядящим.*

Поэтическая сила метафоры вообще и цветаевской в частности – в художественном преувеличении, в эстетическом нарушении границ реального и ирреального миров. Метафора в «русских» поэмах Марины Цветаевой – это имплицитное противопоставление обыденного видения жизни не-обычному, это «приглашение» поэта читателю в мир своих высот: *Яблок – яхонт, / Яблок – золото / Кто зачахнет – / Про то знато.* Ее метафора – средство заострения смысла, способствующее выражению глубоких противоречий мира: *Робким –*

лесть, / Дерзким – ласть, / Глазком яблочка / Не красть!

Заключение. Поэтическое творчество Марины Цветаевой дает богатейший материал для изучения потенциальных возможностей русского слова, возможностей языка. Таким образом, языковая метафора в творчестве поэта базируется преимущественно на признаках конкретно-чувственного характера (*игла ревности*). Определенные качества и свойства, присущие предметам объективного мира, стихиям, переосмысляются Мариной Цветаевой и прямо или в трансформированном виде ложатся в основу метафорического переноса.

Литература

1. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия, Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 182.
2. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 206.
3. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 91.
4. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник. – М., 1990. – С. 532.

Поступила в редакцию 19.04.2016 г.